

Мы всегда хотели есть, но никогда не плакали и не просили

«Вольный город» уже сообщал, что блокадники Ленинграда, живущие в Тольятти, издали сборник воспоминаний. И даже печатал отрывки – эти щемящие строки о маленьких порциях хлеба, размоченных в кипятке. Публикация называлась «Самой вкусной была лебеда, отваренная с кусочками кожаной сумки» и вызвала эмоциональные отклики читателей. Некоторые говорили, что читали со слезами на глазах.

Вернуться к сборнику «Ленинград – наш город славы и беды» нас побудили не только приближающийся юбилей Великой Победы, но и... коронавирус. Точнее, болезненная реакция горожан на дефицит и дороговизну гречки, лимонов, имбиря и некоторых других продуктов. Все постигается в сравнении. Итак...

Из воспоминаний Тамары Аноцкой:

– До войны мы жили под Ленинградом. С нами были старенькие бабушка и дедушка, которые отказались из-за возраста уезжать в эвакуацию. Мама осталась с ними, папа, получивший ранение на финской войне, оказался не нужен фронту. Его послали закрывать окна и двери зданий, где до эвакуации жили семьи военнослужащих. За это давали 50 граммов хлеба.

Крапиву и лебеду мы ели до зимы. А в январе папа стал часто падать от истощения сил. Однажды он где-то нашел лошадиные кости, принес домой, и мама сварила бульон. Помню, как папа упал перед домом соседей. Он потом начал греть ноги, встав прямо на горячую плиту, чтобы разогнать кровь. Тогда бабушка тихо сказала, что он от нас уходит.

Как-то отец лежал, и пришла радостная мама:

– Жень, вставай! Хлеба прибавили – 100 граммов!

Но папа уже не ответил... Через 10 дней умер дедушка – он отказался от хлебной прибавки ради нас, внуков. Потом в госпитале от ранений скончался дядя Коля, муж материной сестры. Мы не успели с ним попрощаться. Помню, в госпитале один солдат подозвал меня и велел взять платок под подушкой. Там был завернут кусочек сахара величиной с ноготок. Я приложила его к губам, чтобы почувствовать вкус, а потом отнесла младшему братику, ему тогда было три годика...

Из воспоминаний Анны Малышевой:

– Самое страшное, что пережили – это голод. Мы всегда хотели есть, но никогда не плакали и не просили. Мама, возвращаясь с работы, думала, живы мы или нет. Просто со всего дома выжили только четыре ребенка: я с братиком и дети маминой подруги. Хлеб давали по 125 граммов, стояли за ним в огромных очередях. Некоторые там же падали и умирали. Или шли по улице, падали и умирали.

Мама сажала картошку. В блокадный год мы выкопали два мешка и спрятали в квартире. Зимой варили ее и закрывались, чтобы не пришли и не отняли. Иногда с продуктами помогали военные. Видимо, благодаря картошке и помощи солдат мы и выжили.

Помню, хлеб давали мягкий, когда его резали, он оставался на

ноже. Я и братик лезли в драку, чтобы облизать этот нож. Ползали под столом, собирая крошки, чтобы ни одной не пропало.

А потом пришел приказ об эвакуации детей. Причем одних, без родителей. Малыши стали умирать. Тогда издали новый приказ: у кого двое детей, можно эвакуировать с родителями. Так что мне с братиком повезло...

Из воспоминаний Нины Моисеевой:

– В сентябре сорок первого года я начала учиться в 10-м классе. Занятия проводились в бомбоубежище, зато после уроков каждый школьник получал тарелку супа из макарон, которые уже тогда были в Ленинграде настоящим богатством.

Еще в городе работали театр музыкальной комедии и филармония. Я частенько ходила туда с подружками, чтобы хоть на час забыть о войне и блокаде. Благодаря артистам, истощенным и лишенным сил, но не потерявшим силы духа, зрители получали уверенность, что мы выживем.

Зимой занятия в бомбоубежищах прекратились. Тогда я поступила на завод «Красный гвоздильщик», который делал тросы для поддержки аэростатов заграждения – они мешали вражеской авиации бомбить город.

Самой тяжелой для блокадников была первая зима с ее 40-градусными морозами. Ни тепла, ни света, ни воды – мы были лишены абсолютно всего.

Люди грелись, собравшись целыми семьями вокруг маленькой буржуйки, которую топили всем, что попадалось под руку.

С особым трепетом вспоминаю блокадные 125 граммов – те маленькие кусочки коричнево-зеленого хлеба, которые около года были едва ли не главным лакомством для многих ленинградцев. Мы бережно делили каждый такой кусочек на несколько частей, стараясь есть как можно дольше. Правда, выдавали на семью и настоящие конфеты – 400 граммов подушечек, они были на вес золота...

Из воспоминаний Ванды Парадной:

– Отец у меня был инженером, мать – заведующей районо, так

что семья жила неплохо. До сорок первого года...

Во время бомбежки фашисты подожгли бадаевские склады, где хранились запасы продовольствия на 10 лет вперед. Склады горели несколько дней, и по улицам текли реки горячего масла, перемешанного с крупой и сахаром. Люди собирали все это вместе с грязью, чтобы хоть чем-то запастись.

Когда началась голод, умерла моя бабушка, я осталась с мамой. Пока могли, продавали ценные вещи на рынке... Потом умерла мама. Не помню, сколько суток я пролежала рядом с ней. Меня спасли дружинники-подростки – нашли в квартире и отнесли в госпиталь.

Когда вернулась домой – квартира оказалась разграбленной мародерами. Я осталась одна в большом городе, но не пропала, потому что пошла на завод. Работала на трех станках, вытачивая снаряды для «катюш». Каждый снаряд весил 16 килограммов, суточная норма – 150 штук. Ничего, справлялась!

Отец у меня погиб в 1943 году на Ленинградском фронте... После войны по мобилизации уехала на Донбасс восстанавливать угольные шахты, залитые немцами. Там получила образование, вышла замуж, в Тольятти наша семья переехала в 1966 году. Муж стал трудиться на ВАЗе, я тоже работала, а когда в городе создали общество блокадников Ленинграда, то много лет возглавляла его...